

Научная статья

УДК 371.4

DOI: 10.20323/2686-8652-2024-1-19-20

EDN: KPWNEZ

Диагностика групповой и коллективной идентичности младших подростков

Екатерина Анатольевна Краса

Учитель обществознания, МАОУ Гимназия № 25; соискатель, Институт стратегии развития образования. 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 134

e-krasa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9107-5169>

Аннотация. В статье уточнены понятия групповой и коллективной идентичности применительно к младшему подростковому возрасту. Представлены результаты диагностики групповой и коллективной идентичности младших подростков.

В исследовании приняли участие 148 обучающихся 5-х классов в возрасте 10–11 лет. Для диагностики использовались методика М. Куна и Т. МакПартленда «Кто я?» в модификации Т. В. Румянцевой, анкета «Школьная идентичность» Д. В. Григорьева, методика оценки индекса групповой сплоченности по К. Э. Сишору, методика оценки социометрического статуса подростков в группе М. Р. Битяновой, авторская методика самооценки подростками своей групповой принадлежности. Полученные результаты показали, что большинство пятиклассников отождествляют себя с такими социальными ролями, как «сын/дочь», «крестник/крестница», «ученик/ученица», «друг/подруга», «гражданин России», а также со своей национальной принадлежностью и занятиями по интересам (путешественник, спортсмен, художница, самокатчик и т. п.). Все подростки причисляют себя к членам своей семьи, на втором месте – к гражданам России (82–93 % в разных классах), на третьем – к представителям своей национальной принадлежности (64–89 %) и к компании друзей (81–82 %). К классу, школьному сообществу, детской общественной организации причисляет себя меньшая доля подростков (52, 61 и 30 % соответственно). Сильная эмоциональная связь у большинства подростков с семьей (у 67–70 %), с гражданами России (56–61 %), с компанией друзей (41–70 %). С классом, школьным сообществом и детской общественной организацией сильную эмоциональную связь ощущают только треть подростков. Ситуации, в которых подростки осознают и выражают свою групповую идентичность, у большинства из них связаны с ощущением любви, заботы, доброго отношения, получением положительных эмоций, совместным времяпрепровождением, выполнением предписанных ролей. Только у пятой части подростков имеют место проявления коллективной идентичности, выражаемые через коллективную социально-

© Краса Е. А., 2024

значимую деятельность, помощь членам коллектива и обществу. По результатам проведенного исследования сделан вывод о необходимости целенаправленного формирования у младших подростков коллективной идентичности. Показана специфика такого формирования в сельских малокомплектных и в городских школах.

Ключевые слова: младшие подростки; групповая идентичность; коллективная идентичность; модель формирования коллективной идентичности; педагогические условия формирования коллективной идентичности

Для цитирования: Краса Е. А. Диагностика групповой и коллективной идентичности младших подростков // Педагогика сельской школы. 2024. № 1 (19). С. 20–35. <http://dx.doi.org/10.20323/2686-8652-2024-1-19-20>. <https://elibrary.ru/KPWHEZ>.

Original article

Group and collective identity of younger adolescents: diagnostic results

Ekaterina A. Krasa

Teacher of social studies, MAEI Gymnasium № 25; applicant, Institute for education development strategy. 350000, Krasnodar, Rashpilevskaya st., 134
e-krasa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9107-5169>

Abstract. The article clarifies the concepts of group and collective identity in relation to younger adolescence. The results of diagnosing the group and collective identity of younger adolescents are presented.

The study involved 148 5-grade students aged 10–11 years. For diagnostics, the method of M. Kuhn and T. McPartland «Who am I?» was used in modification of T. V. Rumyantseva, the questionnaire «School identity» by D. V. Grigoriev, the method of assessing the group cohesion index according to K. E. Sishor, the method of assessing the sociometric status of adolescents in the group of M. R. Bityanova, the author's method of self-assessment by adolescents of their group affiliation. The results obtained showed that most 5-year graders identify with such social roles as «son/daughter», «godson/goddaughter», «he-student/she-student», «friend/girlfriend», «citizen of Russia», as well as with their national affiliation and interests (traveler, athlete, artist, scooter, etc.). All teenagers consider themselves to be members of their family, in second place – to citizens of Russia (82–93 % in different classes), in third – to representatives of their nationality (64–89 %) and to the company of friends (81–82 %). A smaller proportion of adolescents (52, 61 and 30 %, respectively) classifies themselves as a class, school community, children's public organization. The majority of adolescents have a strong emotional connection with their family (67–70 %), with Russian citizens (56–61 %), with a company of friends (41–70 %). Only a third of teenagers feel a strong emotional connection with the class, the school community and the children's community organization. Situations in which adolescents are aware and express their group identity, in most of them they are associated with a feeling of love, care, good attitude, receiving positive emotions, spending time together, fulfilling prescribed roles. Only one fifth of adolescents have manifestations of collective identity,

Диагностика групповой и коллективной идентичности младших подростков 21

expressed through collective socially significant activities, assistance to team members and society. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to purposefully form a collective identity in younger adolescents. The specifics of such formation in rural small and urban schools are shown.

Key words: younger adolescents; group identity; collective identity; a model of collective identity formation; pedagogical conditions for formation of collective identity

For citation: Krasa E. A. Group and collective identity of younger adolescents: diagnostic results. *Pedagogy of rural school*. 2024; 1(19): 20–35. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2686-8652-2024-1-19-20>. <https://elibrary.ru/KPWHEZ>.

Введение

Значимую роль в жизни каждого человека занимает формирование представлений о себе, о собственном пути в жизни через отождествление себя с определенными личностными характеристиками и социальными ролями, что помогает понять и принять себя, определить свое место в мире. Процесс такого отождествления определяется как идентификация, а результат – как идентичность [Джеймс, 1982]. Периодом начала формирования идентичности считается подростковый возраст, в котором и происходит первый кризис идентичности как условие ее становления [Эрикссон, 1996].

Идентичность объединяет два начала – индивидуальное (понимание себя через противопоставление другим людям и социальным группам) и социальное (понимание себя через отождествление с определенными сообществами и группами) [Brewer, 1991].

К социальной идентичности относят собственно социальную (понимание себя через отождествление

с различными сообществами, в том числе номинальными [Tajfel, 1974]), групповую (отождествление с референтными, реально существующими группами [Hogg, 2006]) и коллективную (отождествление себя с группами, стремящимися к характеристикам коллектива, к субъектности [Poletta, 2001; Астафьева, 2011]).

Младший подростковый возраст является сензитивным для формирования социальных компонентов идентичности, в том числе групповой и коллективной идентичности, так как в этом возрасте ведущей деятельностью становится общение со сверстниками; ребенок стремится понять и выразить себя, в том числе через принадлежность различным группам и коллективам; мнение группы становится более значимым, чем мнение родителей и педагогов; в содержании идентичности социальные характеристики начинают преобладать над индивидуальными [Кузьмин, 2016].

Мы считаем важным в подростковом возрасте ставить акцент на формирование именно коллектив-

ной идентичности, которая включает коллективизм как личностное качество, стремление осознанно выбирать группы принадлежности с учетом собственных жизненных целей и ценностей, активно участвовать в формировании и выражении групповых норм и ценностей, инициировать и коллективно выполнять различные виды социально-значимой деятельности, то есть деятельности не только для себя и членов группы, но и для других: на благо школы, города, общества, страны. Такое формирование необходимо как в сельских малокомплектных школах, где референтными группами выступают дворовая и дружеская компания, класс, так и в городских школах, где на первый план выходят идентификация с классом и группой по интересам, а значимость дворовой компании снижается.

В современном обществе социальная, в том числе групповая и коллективная идентичности, и процесс их формирования претерпевают ряд изменений [Шевела, 2022]. Однако изменения групповой и коллективной идентичности недостаточно изучены применительно к младшему подростковому возрасту.

Коллективная идентичность выступает предметом социологических, культурологических, психологических исследований и рассматривается:

– применительно к отдельной личности как «повседневное, взаимно ориентированное принятие

принадлежности к группе, ее границ, правил и иерархий, проявляющееся в деятельности позитивной свободе и обуславливающее ее», когда «ощущение свободы, правильной, успешной, хорошей жизни невозможно в отрыве от коллектива» [Оберемко, 2008, с. 69];

– применительно к группе людей как «массовое (групповое) осознание группой, сообществом тождества и различий с людьми, включенными в другие общности» [Астафьева, 2011, с. 224].

Мы считаем, что в младшем подростковом возрасте коллективную идентичность необходимо изучать и целенаправленно формировать в работе как с отдельными подростками, так и с подростковыми группами.

В научных исследованиях изучены изменения групповой и коллективной идентичности в современном обществе. Показано, что она стала более динамичной, неустойчивой, «мерцающей» [Махинин, 2022], множественной (человек отождествляет себя одновременно с множеством групп [Горшкова, 2022; Идентичности..., 2022]). Отмечается «кризис коллективной идентичности» [Симонян, 2019]. Если раньше групповая идентичность во многом была предзадана условиями рождения, проживания, социальным статусом человека, то теперь возросла возможность ее самостоятельного конструирования личностью, свобода в таком конструировании, в связи

с чем становление идентичности рассматривается как непрерывный процесс выбора, самоопределения, самоотождествления личности [Шипулин, 2020]. В то же время увеличился риск манипулятивного влияния рекламы, медиа, виртуальной среды [Гигаури, 2019; Касама-ра, 2021; Сащенко, 2021], компьютерных игр [Илюкович, 2020; Белов, 2021] на формирование идентичности личности, в том числе групповой и коллективной.

В жизни человека, особенно подростка, все более значимую роль начинает играть виртуальная [Peikari, 2015; Balleys, 2020] и цифровая идентичность [Кондаков, 2019].

Ученые обозначают новые формы коллективной идентичности, такие как «net-дружба» [Chou, 2007], «коллективная идентичность сетевых сообществ» [Юськаева, 2021], «региональная идентичность» [Шумкова, 2021], «спортивное боление» [Михайлова, 2019].

Все сказанное говорит о необходимости экспериментального изучения и целенаправленного формирования коллективной идентичности, началом становления которой выступает младший подростковый возраст.

Методология и методы исследования

Для изучения идентичности личности в имеющихся исследованиях [Кузьмин, 2016; Микляева, 2004] чаще всего применяется ме-

тодика М. Куна и Т. МакПартленда «Кто я?». Для изучения коллективной идентичности применительно к организационной культуре используется методика оценки индекса групповой сплоченности по К. Э. Сишору [Воробьев, 2008].

При подборе методик для диагностики групповой и коллективной идентичности младших подростков мы опирались на структурные компоненты такой идентичности. За основу мы взяли компоненты, выделенные в работе А. Тэшфела: когнитивный (знание о своей принадлежности группе), ценностный (степень значимости принадлежности группе), эмоциональный (эмоции, испытываемые в отношении групповой принадлежности). Также мы считаем необходимым дополнить структуру коллективной идентичности поведенческим компонентом, выражающим то, что личность «*делает* в пространстве, которое мы вместе со своей группой *считает своим*»; то, как человек реализует в своем поведении, деятельности представления, нормы и ценности группы, к которой себя причисляет [Оберемко, 2008].

Продиагностировать все четыре компонента коллективной идентичности младших подростков позволил следующий комплекс методик:

– Методика М. Куна и Т. МакПартленда «Двадцать утверждений» в модификации Т. В. Румянцева позволила продиагностировать когнитивный компонент кол-

лективной идентичности – выявить личностные характеристики и социальные роли, характеризующие социальные компоненты идентичности подростка. В соответствии с данной методикой пятиклассникам предлагалось в течение 12 минут написать как можно больше ответов на вопрос «Кто я?».

– Анкета Д. В. Григорьева «Школьная идентичность» позволила оценить поведенческий компонент коллективной идентичности младших подростков – чувство принадлежности и конкретные ситуации проявления различных форм коллективной идентичности: семейная, дружеская, учебная, идентичность с классом, школьная, гражданская, этнокультурная, религиозная. По каждой форме идентичности подросткам предлагалось ответить на два вопроса – о наличии идентичности и о ситуациях ее проявления. Например: «Чувствуешь ли ты себя сыном (дочерью) своих родителей? Если «да», то объясни, пожалуйста, где и когда, в каких ситуациях это происходит?» [Григорьев, 2018].

– Методика оценки индекса групповой сплоченности по К. Э. Шишору дополняла оценку когнитивного и поведенческого компонентов коллективной идентичности: чувство принадлежности классу, участие в деятельности класса, отношение к переходу в другой класс, оценка взаимоотношений в классе на занятиях, вне

занятий, с учителями в сравнении с другими классами.

– Методика оценки социометрического статуса подростков в группе М. Р. Битяновой позволила оценить поведенческий компонент коллективной идентичности: насколько взаимоотношения в классе приближены к коллективным, когда принимают всех, заботятся обо всех, пытаются выстраивать доброжелательные взаимоотношения.

– Авторская методика самооценки подростками своей групповой принадлежности позволила оценить эмоциональный и ценностный компоненты коллективной идентичности. Каждому подростку предлагалось оценить свою принадлежность к определенным группам и сообществам (семья, компания друзей, дворовая компания, класс, школа, группа в социальных сетях, сообщество по интересам, детская общественная организация, подростковая субкультура, жители города, национальность, гражданство) по вопросам: «Насколько сильна моя эмоциональная связь с группой?» (сильная, средняя, слабая или отсутствует); «Мое эмоциональное отношение к группе» (только положительное; и положительное, и отрицательное; только отрицательное).

Базой эксперимента выступила МАОУ Гимназия № 25 г. Краснодара. В эксперименте приняли участие 148 обучающихся 5-х классов (5А, 5Б, 5В, 5Г, 5Д) данной гимназии.

Результаты исследования

Оценка когнитивного компонента идентичности по методике М. Куна и Т. МакПартленда «Двадцать утверждений» показала, что подростки отождествляют себя со следующими группами и соответствующими им социальными ролями:

– Семья: сын/дочь, брат/сестра, племянник/племянница, крестник/крестница, внук/внучка/правнучка. Встречались также характеристики, отражающие высокую ценность группы («сын замечательной мамы») и участие в делах группы («помощница»).

– Компания друзей: друг/подруга. Встречались характеристики, отражающие ценность дружбы («верная подруга», «лучшая подруга»), а также сомнение в принятии друзьями («наверное, друг»).

– Группа по интересам: назывались как хобби («бисероплетер», «самокатчик», «геймер»), так и профессионально ориентированные увлечения (спортсмен, футболист, пловец, велосипедист, путешественник, танцор/танцовщица, музыкант, художник/художница, «айтишник», программист, военный, повар, пилот, «киберспортсмен» и др.). Некоторые подростки указали виртуальные группы, например, «стей» (фанат корейской К-Поп группы «Stray Kids»), «блинк» (роль в компьютерной игре – атака с помощью телепортации).

– Класс: отражались как выполняемая социальная роль (ученик/ученица), так и принадлежность классу как коллективу (одноклассник/одноклассница, «ученик 5Б класса»).

– Школьное сообщество: отражались как социальная роль («школьник»), так и отношение к ней («школяр», «гражданин школы»).

– Этническая (национальная) принадлежность: русская/русский, армянка/армянин и т. п. Интересно, что дети из поликультурных семей стремились отразить это при выполнении задания: «адыг и кабардинец», «русский и казах», «русская и немка», «полуармянка, полугрузинка», «полурусский, полусеверянин».

– Гражданская принадлежность, российская гражданская идентичность: «гражданин России», россиянин / россиянка, «гражданин».

– Религиозная принадлежность: христианин/христианка, мусульманин/мусульманка.

Следует также отметить наличие у одних подростков характеристик, свидетельствующих о стремлении принадлежать группе и строить коллективные взаимоотношения («человек, который дружит практически со всеми», «радио», «походный», «помощница», «юмористка», «я шучу, всегда веселая»), у других – о нежелании принадлежать какой бы то ни было группе или коллективу («одиночка», «кирпич бронированный») или противопо-

ставлять себя коллективу («командир», «гений», «лучшая»).

Оценка поведенческого компонента коллективной идентичности с помощью анкеты Д. В. Григорьева показала, что ситуации, в которых подростки осознают и выражают свою групповую идентичность, у большинства из них связаны:

– с ощущением любви, заботы, доброго отношения, помощи. Например, применительно к ролям сына/дочери: «Меня одевают, кормят, любят, ухаживают», «Родители обо мне заботятся», «Мама и папа меня очень сильно любят», «Меня считают самой лучшей», «Родители делятся своей лаской со мной» и т. п. Применительно к ролям друга/подруги: «Меня уважают, помогают мне», «Добры ко мне», «Меня всегда берут поиграть в разные игры, и мы просто хорошо дружим», «Всегда помогут», «Друзья со мной разговаривают как с подругой» и т. п.;

– с получением положительных эмоций. Например, применительно к ролям сына/дочери: «Я чувствую себя частью семьи, когда родители ко мне хорошо относятся, когда мама говорит, что любит меня». Применительно к ролям друга/подруги: «Когда я с ними вижу, мы рады». Применительно к ролям гражданина школы: «Мне нравится учиться в этой школе»;

– с совместным времяпрепровождением и деятельностью. Применительно к ролям сына/дочери: «Я путешествую вместе с родителями», «Мы с родителями ходим в

кафе и рестораны». Применительно к ролям друга/подруги: «Мы всегда вместе», «Мы с подругой вместе ездим на каток», «Мы вместе гуляем», «Я с ними общаюсь и гуляю», «Мы каждый день проводим вместе время»;

– с выполнением предписанных ролей. Например, применительно к ролям сына/дочери: «Потому что родители меня родили», «Я их сын». Применительно к ролям ученика/ученицы своего класса: «Я хожу в школу», «Я сижу на уроках», «Я хорошо учусь», «У меня уже несколько десятков «пятерок». Применительно к российской гражданской идентичности: «Я родилась в России», «Я живу в России».

Только у пятой части подростков имеют место проявления коллективной идентичности, выражаемые через коллективную социально-значимую деятельность, помощь членам коллектива и обществу. Например, применительно к ролям друга/подруги: «Я помогаю, поддерживаю своих друзей». Применительно к ролям ученика своего класса: «Я участвую в мероприятиях класса», «Я слежу за дежурными, чтобы они не сбежали с дежурства», «Я убираюсь в классе». Применительно к ролям «гражданина школы»: «Помогаю учителю», «Рисовал плакаты», «Участвую в олимпиадах». Применительно к ролям гражданина России: «Участвую в концертах, соревнованиях», «Слежу за экологией», «Я делаю

очень многое для своей страны», «Говорю на русском языке» и т. п.

Результаты оценки индекса групповой сплоченности по

К. Э. Сишору представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Результаты оценки индекса групповой сплоченности в 5-х классах гимназии № 25 г. Краснодара по К. Э. Сишору

Класс	Балл оценки сплоченности учебной группы	Уровень групповой сплоченности
5 «А»	10,8	Средний
5 «Б»	11,8	Выше среднего
5 «В»	11,2	Выше среднего
5 «Г»	10,6	Средний
5 «Д»	10,2	Средний

Содержательный анализ ответов на вопросы по методике К. Э. Сишора показал, что степень сформированности коллективной идентичности в разных классах различается. Так, если в 5 «В» классе чувствуют себя частью коллектива 81 % учеников, то в 5 «Д» классе – только 30 %, в 5 «А» – 42,1 %.

Во всех 5-х классах есть подростки, которые не чувствуют себя членами коллектива, живут и существуют отдельно от него или затруднились оценить чувство своей принадлежности коллективу класса. Доля таких детей колеблется от 9,5 % в 5 «В» классе до 40 % в 5 «Г» классе.

Желание продолжать учиться со своими одноклассниками испытывают от 40 % подростков в 5 «Г» классе до 71,4 % в 5 «В» классе. Примерно у трети учеников (от 29,4 % в 5 «Г» классе до 38,1 % в 5 «В» классе) сильная эмоциональная связь с классом (очень хотели бы остаться в своем классе). В каждом классе есть подростки, желающие перейти в другой класс: их доля колеблется от 30 % в 5 «Г» классе до 4,8 % в 5 «В» классе.

Результаты оценки социометрического статуса подростков в 5-х классах по методике М. Р. Битяновой представлены в таблице 2.

Таблица 2.
Социометрический статус обучающихся 5-х классов МАОУ Гимназия № 25 (по результатам методики М. Р. Битяновой)

Социометрический статус	5 «А», %	5 «Б», %	5 «В», %	5 «Г», %	5 «Д», %
Социометрические звезды (лидеры)	6,5	9	10,3	7	10
Предпочитаемые (потенциальные лидеры)	6,5	6	10,3	7	7
Принимаемые	52	34	55,2	52	48
Пренебрегаемые	35	25	10,34	26	34
Изолированные	0	12,5	3,44	4	0
Изгои	0	12,5	10,3	4	0

Социометрия показала, что коллективная идентичность в диагностируемых 5-х классах пока еще не сформирована. Во всех классах есть подростки со статусом пренебрегаемые: их доля составляет от 10,3 % в 5 «В» классе до 35 % в 5 «А». Подростки со статусом изгоев и изолированные выявлены в 3-х

классах из 5-ти оцененных. Их доля составляет от 8 до 25 %.

Авторская методика позволила провести самооценку подростками эмоциональной связи с группами принадлежности, эмоционального отношения к группам. Результаты самооценки подростками эмоциональной связи с группами представлены в таблице 3.

Таблица 3.
Самооценка младшими подростками эмоциональной связи с группами принадлежности (на примере 5 «Б» класса)

Группы	Сильная связь, %	Средняя связь, %	Слабая или отсутствует, %
Семья	70	27	3
Компания друзей	70	27	3
Дворовая компания	58	15	27
Класс	30	48	12
Школа	30	52	18
Группа в социальных сетях	33	45	21
Сообщество по интересам	33	33	33
Детская общественная организация	30	12	58

Группы	Сильная связь, %	Средняя связь, %	Слабая или отсутствует, %
Жители моего города	52	45	3
Подростковая субкультура	30	15	54
Люди моей национальности	48	33	18
Граждане России	61	30	9

Как видно из таблицы 3, сильную эмоциональную связь большинство подростков отмечают с семьей, компанией друзей, гражданами России. Связь с классом, школой, группами в социальных сетях и сообществами по интересам у большинства под-

ростков средняя, слабая или отсутствует.

Результаты самооценки эмоционального отношения к группам принадлежности приведены в таблице 4.

Таблица 4.
Результаты самооценки подростками эмоционального отношения к группам принадлежности (на примере 5 «Б» класса)

Группы	Положительное, %	И положительное, и отрицательное, %	Отрицательное, %
Семья	76	21	3
Компания друзей	70	30	0
Дворовая компания	66	18	16
Класс	39	55	6
Школа	44	47	9
Группа в социальных сетях	53	33	13
Сообщество по интересам	45	34	21
Детская общественная организация	39	32	29
Жители моего города	70	30	0
Подростковая субкультура	34	31	34
Люди моей национальности	58	35	6
Граждане России	78	22	0

Как видно из таблицы 4, положительное эмоциональное отношение у большинства подростков к таким группам принадлежности, как семья, гражданская принадлежность, компания друзей и

жители города. К классу, школе и детской общественной организации положительное отношение у менее чем половины подростков (39–44 %).

Заключение

Проведенное исследование обозначило ряд проблем групповой идентичности младших подростков, свидетельствующих о необходимости целенаправленного формирования коллективной идентичности:

- отсутствие у отдельных подростков чувства «мы», желания быть частью какого-либо коллектива;
- неприятие или отвержение отдельных подростков группой;
- негативная социальная идентичность (когда подросток испытывает отрицательные эмоции в отношении группы принадлежности);

– сведение принадлежности к группе только к принятию социальной роли без принятия и деятельного выражения коллективных норм и ценностей.

Процесс такого формирования необходим как в сельских малокомплектных школах, где акцент необходимо ставить на принятии всех желающих подростков в коллектив, профилактике буллинга (ключевой формой выступает дворовая компания), так и в городских, где необходим акцент на самостоятельном определении подростковой группой коллективных целей и ценностей и организации различных видов коллективной социально значимой деятельности.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 223–241.
2. Белов С. И. Видеоигры с историческим сюжетом как фактор генерации и эрозии ингруппового фаворитизма россиян // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 35–47.
3. Воробьев В. П. Коллективная идентичность в системе организационной культуры: социологический аспект / В. П. Воробьев, Т. В. Терехина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 4. С. 18–25.
4. Гигаури Д. И. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве / Д. И. Гигаури, В. А. Гудоров, А. А. Ширинянц // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3. С. 51–58.
5. Горшкова Н. Э. Проекция идентичности. Размышления на основе монографии «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования» // Terra Linguistica. Калининград. 2022. Т. 13. № 4. С. 87–92.
6. Григорьев Д. В. Сопричастность России и русскому миру: формирование идентичности ребенка в школе // Школьная идентичность ребенка: ответственность школы за формирование достоинства, гражданственности, патриотизма: сборник мат. Всероссийской научно-практической конф. / сост. Т. В. Дьячкова, Л. В. Заика. Тула: ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», 2018. С. 57–83.

7. Джеймс У. Личность // Психология личности: тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, А. А. Пузыря. Москва : Издательство МГУ, 1982. 288 с.
8. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования : монография / А. А. Тесля, Г. Л. Тульчинский, С. Т. Золян, Ж. Р. Сладкевич, С. В. Герасимов, Е. Н. Молодыхенко, Г. Л. Тульчинский; под ред. А. А. Тесли, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 347 с.
9. Илюкович Т. П. Особенности формирования социальной идентичности младших школьников под влиянием компьютерных игр // Социальные явления. 2020. № 1. С. 45–51.
10. Касамара В. А. YouTube-блогеры как агенты политической социализации российских школьников / В. А. Касамара, А. А. Сорокина, А. Н. Шилина // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 7–21.
11. Кондаков А. М. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / А. М. Кондаков, А. А. Костылева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.
12. Кузьмин М. Ю. Особенности динамики идентичности у младших школьников // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 7(63). С. 106–114.
13. Махинин А. Н. Российская идентичность сегодня: проблемы и ресурсы формирования (социально-педагогический контекст) : монография / А. Н. Махинин, М. В. Шакурова, В. С. Остапенко. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2022. 188 с.
14. Микляева А. В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности / А. В. Микляева, П. В. Румянцева // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 36–45.
15. Михайлова Н. В. Спортивное боление и коллективная идентичность // Ученые записки Комсомольского-на Амуре государственного технического университета. 2019. № 11–2 (38). С. 90–98.
16. Оберемко О. А. Пространственно-деятельная идентичность как представление о «территории свободы» // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 62–81.
17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва : Прогресс, 1996. 344 с.
18. Сащенко Н. П. Российская идентичность в цифровую эпоху и социальные представления пользователей социальных сетей // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 1. С. 40–51.
19. Симонян Э. Г. Кризис коллективной идентичности и культурная травма // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 172–178.
20. Шевела Н. И. Формирование коллективной идентичности // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Минск : издательство Белорусского государственного университета, 2023. С. 77–80.
21. Шипулин В. О. Динамика российской коллективной идентичности: информационно-коммуникативный контекст // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2020. № 2 (27). С. 25–30.

22. Шумкова Н. В. Региональная идентичность в структуре коллективных идентичностей студенческой молодежи Республики Мордовия / Н. В. Шумкова, О. Е. Зубов // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 1 (15). С. 68–80.

23. Юськаева Э. И. Коллективная идентичность в дискурсе сетевых сообществ // *Возможности и угрозы цифрового общества : мат. Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова*. Ярославль, 2021. С. 303–308.

24. Balleys C., Millerand F., Thoër C., Duque N. Searching for Oneself on YouTube: Teenage Peer Socialization and Social Recognition Processes // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6. № 2. Pp. 1–11.

25. Brewer M. B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. № 17(5). Pp. 475–482.

26. Hogg M. A., Reid S. A. Social Identity, Self-Categorization and the Communication of Group Norms // *Communication Theory*. 2006. № 16. Pp. 7–30.

27. Peikari N., Lotfi R., Makhdomi H. Social Networks, Cyberspace and Formation of Virtual Identity of the Users // *International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science*. 2015. Vol. 4. № 2. Pp. 92–101.

28. Tajfel H. Social Identity and Intergroup behavior // *Social Science Information*. 1974. № 1(2). Pp. 65–93.

Reference list

1. Astaf'eva O. N. Kollektivnaja identichnost' v uslovijah global'nyh izmenenij: dinamika ustojchivogo i ukorenenie stanovjashhegosja = Collective identity in the face of global change: the dynamics of sustainability and rooting of the emerging // *Voprosy social'noj teorii*. 2011. T. V. S. 223–241.

2. Belov S. I. Videoigry s istoricheskim sjuzhetom kak faktor generacii i jerozii ingruppovogo favorizma rossijan = Video games with a historical plot as a factor in the generation and erosion of the Ingroup favoritism of Russians // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*. 2021. № 3. S. 35–47.

3. Vorob'ev V. P. Kollektivnaja identichnost' v sisteme organizacionnoj kul'tury: sociologicheskij aspekt = Collective identity in the system of organizational culture: sociological aspect / V. P. Vorob'ev, T. V. Terehina // *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*. 2008. № 4. S. 18–25.

4. Gigauri D. I. YouTube-blogery kak lidery obshhestvennogo mneniya molodezhi: novye tehnologii formirovanija identichnosti v virtual'nom prostranstve = YouTube bloggers as leaders of youth public opinion: new technologies for forming identity in the virtual space / D. I. Gigauri, V. A. Gutorov, A. A. Shirinjanc // *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2019. № 3. S. 51–58.

5. Gorshkova N. Je. Proekcii identichnosti. Razmyshlenija na osnove monografii «Identichnosti: semiotika reprezentacii i pragmatika pozicionirovanija» = Projections of identity. Reflections on the monograph «Identities: Semiotics of Representation and Pragmatics of Positioning» // *Terra Linguistica*. Kaliningrad, 2022. T. 13. № 4. S. 87–92.

6. Grigor'ev D. V. Soprichastnost' Rossii i russkomu miru: formirovanie identichnosti rebenka v shkole = Involvement of Russia and the Russian world: formation of the child's identity at school // *Shkol'naja identichnost' rebenka: otvetstvennost' shkoly za formirovanie dostoinstva, grazhdanstvennosti, patriotizma : sbornik mat. Vse-*

rossijskoj nauchno-praktičeskoj konf. / sost. T. V. D'jachkova, L. V. Zaika. Tula : GOU DPO TO «IPK i PPRO TO», 2018. S. 57–83.

7. Džhejms U. Lichnost' = Personality // Psihologija lichnosti: teksty / pod red. Ju. B. Gippenrejtera, A. A. Puzyreja. Moskva : Izdatel'stvo MGU, 1982. 288 s.

8. Identičnosti: semiotika reprezentacii i pragmatika pozicionirovanija : monografija = Identities: semiotics of representation and pragmatist of positioning: monograph / A. A. Teslja, G. L. Tul'chinskij, S. T. Zoljan, Zh. R. Sladkevich, S. V. Gerasimov, E. N. Molodychenko, G. L. Tul'chinskij; pod red. A. A. Tesli, S. T. Zoljana, G. L. Tul'chinskogo. Kaliningrad : Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2022. 347 s.

9. Iljukovich T. P. Osobennosti formirovanija social'noj identičnosti mladshih shkol'nikov pod vlijaniem komp'juternyh igr = Features in formation of the social identity of younger students under the influence of computer games // Social'nye javlenija. 2020. № 1. S. 45–51.

10. Kasamara V. A. YouTube-blogery kak agenty političeskoj socializacii rossijskih shkol'nikov = YouTube bloggers as agents of political socialization of Russian schoolchildren / V. A. Kasamara, A. A. Sorokina, A. N. Shilina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2021. № 3. S. 7–21.

11. Kondakov A. M. Cifrovaja identičnost', cifrovaja samoidentifikacija, cifrovaj profil': postanovka problemy = Digital identity, digital self-identification, digital profile: challenging / A. M. Kondakov, A. A. Kostyleva // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Informatizacija obrazovanija. 2019. T. 16. № 3. S. 207–218.

12. Kuz'min M. Ju. Osobennosti dinamiki identičnosti u mladshih shkol'nikov = Features of identity dynamics in younger students // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2016. № 7(63). S. 106–114.

13. Mahinin A. N. Rossijskaja identičnost' segodnja: problemy i resursy formirovanija (social'no-pedagogičeskij kontekst) = Peculiarities of identity dynamics among younger students Russian identity today: problems and resources of formation (social and pedagogical context) : monografija / A. N. Mahinin, M. V. Shakurova, V. S. Ostapenko. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2022. 188 s.

14. Mikljaeva A. V. Sootnošenie central'nyh i periferičeskikh komponentov v strukture social'noj identičnosti lichnosti = Ratio of central and peripheral components in personality social identity structure / A. V. Mikljaeva, P. V. Rumjanceva // Psihologičeskij žurnal. 2011. T. 32. № 5. S. 36–45.

15. Mihajlova N. V. Sportivnoe bolenie i kollektivnaja identičnost' = Sports pain and collective identity // Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2019. № 11–2 (38). S. 90–98.

16. Oberemko O. A. Prostranstvenno-dejatel'naja identičnost' kak predstavlenie o «territorii svobody» = Spatial-active identity as an idea of the «territory of freedom» // Sociologičeskij žurnal. 2008. № 3. S. 62–81.

17. Jerikson Je. Identičnost': junost' i krizis = Identity: youth and crisis. Moskva : Progress, 1996. 344 s.

18. Sashhenko N. P. Rossijskaja identičnost' v cifrovuju jepohu i social'nye predstavlenija pol'zovatelej social'nyh setej = Russian identity in the Digital Age and social representations of social media users // Social'nye i gumanitarne znanija. 2021. T. 7. № 1. S. 40–51.

19. Simonjan Je. G. Krizis kolektivnoj identichnosti i kul'turnaja travma = Collective identity crisis and cultural trauma // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2019. № 4. S. 172–178.
20. Shevela N. I. Formirovanie kolektivnoj identichnosti = Formation of collective identity // *Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk : izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023. S. 77–80.
21. Shipulin V. O. Dinamika rossijskoj kolektivnoj identichnosti: informacionno-kommunikativnyj kontekst = Dynamics of Russian collective identity: information and communication context // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo*. 2020. № 2 (27). S. 25–30.
22. Shumkova N. V. Regional'naja identichnost' v strukture kolektivnyh identichnostej studencheskoj molodezhi Respubliki Mordovija = Regional identity in the structure of collective identities of student youth in the Republic of Mordovia / N. V. Shumkova, O. E. Zubov // *Siberian Socium*. 2021. T. 5. № 1 (15). S. 68–80.
23. Jus'kaeva Je. I. Kollektivnaja identichnost' v diskurse setevyh soobshhestv = Collective identity in network community discourse // *Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshhestva : mat. Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. / pod red. A. V. Sokolova, A. A. Frolova. Jaroslavl'*, 2021. S. 303–308.
24. Balleys C., Millerand F., Thoër C., Duque N. Searching for Oneself on YouTube: Teenage Peer Socialization and Social Recognition Processes // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6. № 2. Pr. 1–11.
25. Brewer M. B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. № 17(5). Pr. 475–482.
26. Hogg M. A., Reid S. A. Social Identity, Self-Categorization and the Communication of Group Norms // *Communication Theory*, 2006. № 16. Pr. 7–30.
27. Peikari N., Lotfi R., Makhdomi H. Social Networks, Cyberspace and Formation of Virtual Identity of the Users // *International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science*, 2015. Vol. 4. № 2. Pr. 92–101.
28. Tajfel H. Social Identity and Intergroup behavior // *Social Science Information*. 1974. № 1(2). Rr. 65–93.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 07.03.2024.